

Н.К.Новикова

Латинская Америка в английской культуре конца XVIII — начала XIX вв.

**Литературная деятельность испанских эмигрантов в
Лондоне (1820—1830-е годы)**

Статья посвящена образу Латинской Америки в английской культуре конца XVIII — начала XIX вв., его историко-культурным предпосылкам и динамике формирования в эпоху беспрецедентного на тот момент сближения Великобритании и испаноязычного мира. Образ Латинской Америки, сложившийся в период двухвекового соперничества Великобритании и Испании в Новом Свете, подвергается актуализации и трансформации с началом масштабных освободительных движений и по-своему преломляется в политической и экономической сфере, в художественной и нехудожественной литературе, в научных описаниях и в массовой культуре. В статье подробно рассматривается литературная деятельность испанской эмиграции в Лондоне в 1820-е годы, представители которой принимали активное участие в культурном посредничестве между Старым и Новым Светом.

Ключевые слова: Латинская Америка, испанская эмиграция, культурное посредничество, Бланко Уайт.

«Лондон превратился в интеллектуальный центр Испании и всей Латинской Америки», — так валенсийский филолог Висенте Льоренс, представитель испанской республиканской эмиграции в США, описывает ситуацию 20-х годов XIX в.¹ Это происходит благодаря деятельности большой группы испанских политических эмигрантов — они находят убежище в Лондоне после поражения революции 1820—1823 гг., начала контрреволюционного террора в Испании и восстановления феодально-абсолютистского режима под властью Фердинанда VII. Среди эмигрантов были владельцы типографии и известного в Лондоне книжного магазина, они выпускали семь периодических изданий, выступали в английской печат-

¹Наталья Кирилловна Новикова — преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, аспирантка (NETalie@yandex.ru).

ти, играли заметную роль в светских салонах влиятельных английских политиков лорда Холланда и лорда Веллингтона. Благодаря испанским эмигрантам в 1820-е годы до невиданных размеров вырос книготорговый оборот между Англией и Латинской Америкой — 56 тыс. экземпляров ежегодно по сравнению с примерно 7 тыс. в последующие годы².

Однако не только испанские политические эмигранты составляли сообщество, которому Лондон обязан статусом «интеллектуального центра» всего испаноговорящего мира в 1820-е годы. Задолго до этого британская столица стала привлекать латиноамериканских общественных деятелей, таких, как иезуит из Перу Хуан Пабло Вискардо-и-Гусман, автор революционных «Писем к испаноамериканцам», и Франсиско де Миранда. Для Миранды, вошедшего в историю под именем «провозвестника независимости», большое значение имело тесное общение с Джеймсом Милльем (1773—1836) — экономистом, одним из главных теоретиков либерализма и английской утилитарной философии, имевшим значительное влияние на британское общественное мнение и правительство. Миранда прислушивался к рекомендациям Милля при работе над письмами о социально-политическом устройстве, к которому колонии должны стремиться после освобождения от испанского господства. Эти письма тайно распространяются в рукописях от Мехико до Буэнос-Айреса.

Когда Франсиско де Миранда покинул Лондон в 1810 г., основным источником сведений о Латинской Америке для Милля стал другой видный представитель латиноамериканской интеллектуальной элиты — венесуэлец Андрес Бельо, филолог, юрист, общественный деятель, автор Гражданского кодекса республики Чили и первой грамматики испанского языка, предназначенной для латиноамериканцев. Бельо, находившийся в Лондоне с дипломатической миссией, вместе с Миллем работал над бумагами знаменитого английского философа-утилитариста Иеремии Бентама (1748—1832). Бентам состоял в переписке с ведущими деятелями освободительных движений: Хосе Сан Мартином (Перу), Симоном Боливаром (Колумбия), Бернардино Ривадавией (Аргентина), которым он давал советы относительно либерального законодательства новых государств.

Итак, почему же именно Лондон становится «центром притяжения» для испанских и латиноамериканских деятелей, которые были озабочены судьбой латиноамериканских государств? Известно, что латиноамериканские представители искали союзников в разных странах, например, с этой целью Франсиско де Миранда в 1786 г. приезжал в Петербург и был принят при дворе Екатерины Великой.

В конце XVIII — начале XIX вв. в результате действия целого ряда историко-культурных факторов между Англией и испаноязычным миром сложились особенные отношения, в структуре которых на фоне многолетнего влияния так называемой «черной легенды» об Испании стали появляться новые элементы.

Истоки «черной легенды» восходят к XVI в., когда начинается противостояние Испании и Англии в Новом Свете. Историки отмечают роль, которую «испанские дела» играли в формировании английского национального самосознания Нового времени³. Вероятность испанского военного вторжения, распространение влияния «папистов», претензии рода Габсбургов на английский престол — все эти обстоятельства мыслились как первосте-

пенная угроза для политического суверенитета и религиозной идентичности страны. В контексте этой угрозы современные и исторические события подвергались интерпретации.

Так, гибель испанской «Непобедимой Армады» (1588) Филиппа II у берегов Англии в результате целого комплекса причин и обстоятельств вошла в английскую историю со множеством упрощений и искажений. Малоизвестны такие обстоятельства, как начало конфликта из-за провокации со стороны английского корабля; погодные условия; цель экспедиции как ответ на действия Великобритании, которые Испания считала незаконными (казнь Марии Стюарт — легитимной претендентки на престол с точки зрения Габсбургов-католиков, поддержка англичанами мятежных испанских провинций во Фландрии, пиратские действия английских кораблей в Новом Свете). Гибель испанской Армады интерпретируется как победа, которую «силы света», отождествляемые с протестантами, с Божьей помощью одержали над католиками. Эта победа, неоднократно прославленная современниками и потомками, превращается не только в исторический, но и в литературный прецедент и становится частью идеологии и национального мифа. Механизмы мифологизации исторического события были исследованы современными историками — как испанскими, так и английскими⁴.

В середине XVII в. лидер Английской революции Оливер Кромвель разрабатывает планы по завоеванию испанских колоний в Западном полушарии — так называемый «Западный проект» (Western Design), в котором Испания играла роль «естественного врага», представляющего постоянную угрозу для Англии. Важно подчеркнуть переплетение религиозных, моральных и экономических мотивов во враждебном отношении к Испании: испанское завоевание, по мнению англичан, проходило во имя «ложной» и «иррациональной» католической доктрины, его мотивами были жестокость и жажда наживы, а установившаяся колониальная система приводила к истреблению коренных жителей и имела целью примитивное накопление богатства. В противоположность Испании протестантская Англия объявляла своей целью создание «справедливой» колониальной державы: принципиальной была идея связи между метрополией и колониями, основанная не на военном присутствии, а на свободном торговом обмене, что должно было означать более гуманное отношение к местному населению и рациональное получение и распределение прибыли.

В этом можно усмотреть зарождение идеологии «неофициальной империи» — термин, который изначально использовался при изучении современной истории постколониальных государств и означал претензии на осуществление власти в тех регионах, которые с политической точки зрения объектами этой власти не являются, поэтому такие претензии реализуются, прежде всего, в экономической и культурной сфере⁵. Характерные для идеологии искажения и интерпретации событий в свою пользу позволяют понять ее предвзятость и «нечувствительность» ко многим историческим фактам (например, не учитывалось, что при колонизации Нового Света самими англичанами взаимоотношения с местным населением строились на расовой основе, в то время как при освоении Южной Америки испанцами смешанные браки признавались нормой). В целом можно говорить о формировании определенных механизмов легитимизации, которые вырабатываются в культуре, чтобы, как показано в классическом исследо-

вании Эдварда Саида «Культура и империализм», дать моральное обоснование империализму — стремлению к власти над удаленной территорией⁶.

Таким образом, на протяжении XVII—XVIII вв. в английском культурном сознании складывается противопоставление Англии и Испании, в котором большую роль играет определение себя от противного. Разнообразные памфлеты, оды, «филиппики» против Испании эксплуатируют общее место по поводу жестокости, фанатизма и жадности испанцев в Новом Свете, сочетая экономическую и моральную критику Испании⁷.

Прокомментируем эти мотивы на примере стихотворения поэта-кавалера Эдмунда Уоллера «О войне с Испанией и битве на море», которое было написано в связи с англо-испанской войной 1650-х годов: «Вот уже несколько веков как из-за испанской гордыни / Солнце тщетно озаряет полмира. / Испания объявляет войну всем посмевающим снабжать / Тех, кого ее жестокость обрекла на голодную смерть»⁸.

Экономическая критика — неразумное использование ресурсов — соседствует с нравственной: «Испанское золото и серебро пришло из нового мира / Подобно буре, приведя старый мир в смятение: / Этим Испания питает надежды продажных выборщиков / И одна единственная дает нам императоров и пап: / С их помощью она добивается исполнения своих обширных замыслов, / Так что ее индийские копи сотрясают Европу».

Таким образом, морально предосудительным оказывается и поведение Испании не только по отношению к населению собственных колоний, но и по отношению к европейцам, которым она «навязывает» несправедливую власть в своих корыстных целях. Обращает на себя внимание, что противопоставление Англии и Испании на моральных основаниях сформулировано с помощью лексики, которая связана с экономическими отношениями, «позолоченное величие» противопоставлено «добродетели высшей пробы»: «Наш Лорд-протектор, взирая с презрением / На позолоченное величие Испании / И зная, что упадок ожидает те Империи, / Которые опираются только на силу Монеты, / Противопоставил английскую добродетель высшей пробы / Богатым возмутителям мирового спокойствия».

Важно отметить, что в культурном сознании англичан существовало представление об отдельных регионах южноамериканского континента, с которыми были связаны более или менее устойчивые ассоциации, будь то Мексика (империя ацтеков и относящиеся к ней исторические и легендарные события), Перу (империя инков), Парагвай (государство иезуитов), Гвиана (поиски Эльдорадо) и другие. Однако идея их своеобразия существовала в системе более общих представлений — обо всем континенте в целом, о том, что же объединяло эти столь разные историко-географические «локусы» в единый «культурный регион».

В 1770-е годы в Англии появляются основополагающие работы, посвященные Латинской Америке: переводы французских трудов «История обеих Индий» аббата Рейналя (1781) и «Инки, или разрушение перуанской империи» Мармонтеля (1777), а также «История Америки» Уильяма Робертсона (1777). Исследователи считают их своего рода «прецедентными текстами», влияющими на функционирование в культуре и более ранних, и более поздних текстов: формируются определенные стратегии, в соответствии с которыми представители английской культуры описывают и воспринимают Латинскую Америку, определяют свою позицию по отношению к ней⁹.

Публикация «Истории Америки» Робертсона, по мнению исследователей, неслучайно совпадает с важнейшим событием в колониальной истории Великобритании — принятием Декларации независимости североамериканских колоний в 1776 г. и началом самостоятельного существования нового государства Соединенных Штатов Америки. В «Истории Америки» Новый Свет предстает открытым для европейского завоевания, поражение англичан в Северной Америке проецируется на упадок испанской империи и более или менее имплицитно обосновывает право англичан на то, чтобы «заменить» испанцев в Новом Свете, построив колониальную империю на иных, более справедливых и рациональных принципах¹⁰. Таким образом, книга обобщает уже имеющиеся представления о Латинской Америке, сформированные «черной легендой», «освящая» их авторитетом объективного научного описания и помещая их в новый исторический контекст, изменившийся после 1776 г.

Хотя «История Америки» имеет строго научную основу, оснащена ссылками на свидетельства и документы, язык произведения зачастую приближается к языку эпоса. Изобилие и необычность природы, возникающие на страницах «Истории Америки», «бросают вызов» воображению европейца, представляя ему континент, реально существующий и в то же время превосходящий традиционные представления о возможном и естественном. Таким образом, завоеванию Нового Света экономическими и дипломатическими средствами предшествуют освоение его «средствами воображения», активная проекция собственных желаний. Важно отметить, что задолго до Робертсона схожий статус в английской культуре имела книга сэра Уолтера Рэли «Открытие богатой, обширной и прекрасной Гвианской империи» (1596) об экспедиции в поисках Эльдорадо — она вызвала неослабевающий интерес, и благодаря ей устоявшееся представление о «гвианском золоте» вошло в обиход и при дворе королевы Елизаветы, и в лондонском Сити, и в театре.

Рецепция «Истории Америки» в англоязычной культуре конца XVIII — начала XIX вв. была многообразна. В Великобритании и в Соединенных Штатах тема испанской колонизации занимала многих авторов, которые обращались к книге Робертсона. Это — Роберт Саути («Мэдок», 1805), Хелен Мария Уильямс («Перу», 1784), а также американские писатели Джоэл Барлоу («Видение Колумба: поэма в девяти книгах», 1787) и впоследствии Вашингтон Ирвинг. «Испанскую тему» в творчестве Ирвинга связывают прежде всего с «Альгамброй» (1834) и «Хроникой завоевания Гранады» (1829), однако он также является автором биографии Христофора Колумба (1828).

Произведение Мармонтеля «Инки, или разрушение перуанской империи» оказало на воображение английской читающей и пишущей публики влияние, подобное «Истории Америки» Робертсона. При этом в отличие от английского автора, Мармонтель сознательно рассчитывал на соединение исторической правды и художественного вымысла. Романтизации подвергалась история доколумбовой Америки: ацтеки Мексики и инки Перу представляли как высоко развитые культуры, чьи нравы, законы, общественные отношения имеют много общего с европейцами. Франсиско Писарро превращался из жестокого и алчного завоевателя в просвещенного последователя Бартоломе де лас Касаса, заступника коренных жителей Америки. Таким образом, кровавое завоевание европейцами Нового Света «переписывалось» — становилось историей сближения и взаимообогащения культур, которые и так имеют много общего.

Мотив исконного, глубинного сходства между завоевателями-европейцами и завоеванными жителями Нового Света исподволь подвергается интерпретации в пользу англичан — это можно проследить в поэме Хелен Марии Уильямс «Перу». Современная американская исследовательница отмечает, что искренность, простоту, мужество перуанцев Хелен Мария Уильямс описывает теми же языковыми средствами, которыми поэт Джеймс Томсон, автор неофициального гимна «Правь, Британия!», прославлял главные достоинства британского национального характера в патриотической оде «Свобода» (1735—1736)¹¹.

В пьесе Джона Телвалла «Инки, или Перуанская дева» (1792) на сюжет из Мармонтеля испанские герои в соответствии с политической злобой дня были заменены популярными английскими персонажами. Вскоре за этот же сюжет взялся Ричард Бринсли Шеридан, который, однако, заимствовал его не напрямую у Мармонтеля, а через своеобразного «посредника» — немецкого драматурга Августа Коцебу. Коцебу приобрел всеевропейскую известность своей «романтической трагедией» «Испанцы в Перу» (1796). В трагедии «Писарро» (1799) Шеридан возвращает испанские имена, но пьеса сохраняет силу политической аллегории, актуальной для английской публики в эпоху Наполеоновских войн. Роль положительного персонажа у Шеридана исполняет не «добродетельный колонизатор» Писарро, а борец за свободу инков Ролла. В его призывах к народному объединению против тирании испанцев английская публика угадывала знакомые патриотические речи против Наполеона. Такая аллегория была очень действенной: в благородном деле сопротивления европейскому тирану англичанам несложно было отождествить себя с патриотами-тираноборцами Южной Америки. Хотя Шеридан не был единственным английским драматургом, который переделывал популярную пьесу Коцебу, именно его версия имела особенный успех у английского зрителя. В течение полугода она не сходила с подмостков Друри Лейн, и за пять лет выдержала 27 изданий, а в качестве комментариев к ней издатели практиковали публикацию отрывков из «Истории Америки» Робертсона, не приводя при этом никаких ссылок.

Итак, с 1770-х годов, которые были отмечены, с одной стороны, потерей североамериканских колоний, а с другой стороны — выходом в свет ряда «прецедентных текстов» о Латинской Америке, англичане начинают переосмыслять свое присутствие в Новом Свете. В дальнейшем роль Латинской Америки в английском культурном сознании возрастает: ее природа манит безграничными возможностями и невероятными богатствами природы, а цивилизация фактически отсутствует, так что приход англичан стал бы благом не только для них самих, но и для всего континента.

Своеобразной кульминацией становится конец 1810-х — начало 1820-х годов: освободительное движение в испанских колониях в Новом Свете, которое приходится на эти годы, открывает для Англии целый ряд новых возможностей. Роберт Саути признавался, что его современники-англичане «сошли с ума по Южной Америке»¹². На начало 1820-х годов приходится период бешеной экономической активности, связанной с вложениями в серебряные рудники и неограниченными спекуляциями на латиноамериканском рынке, которые обещали заоблачные прибыли. За три года правительства новых латиноамериканских республик выпустили облигаций на сумму около

20 млн фунтов, английские вложения в горные предприятия превосходили 30 млн фунтов (для сравнения, за участие в кампании против Наполеона Великобритания предложила Российской империи 1,6 млн фунтов стерлингов).

Пресса пестрела рассказами путешественников о диковинных обычаях и несметных богатствах испанского Нового Света. Потенциальных английских вкладчиков убеждали в том, что «крупницы золота появляются на глазах, когда с поверхности земли дождем смывает пыль», а в дождливый сезон наткнуться на золотой слиток весом полкилограмма — совершенно в порядке вещей¹³. Публиковались, комментировались и активно обсуждались отрывки из «Истории Америки» Робертсона, а также из другого фундаментального исследования о южноамериканском континенте, которое принадлежало немцу Александру фон Гумбольдту. С ними соседствовали характеристики революционных лидеров, известия об успехах и неудачах освободительных движений, рассуждения о том, как исход военных действий повлияет на экономическую ситуацию, а на следующих страницах публиковали котировки акций латиноамериканских предприятий и сообщения о новых сериях облигаций, выпущенных правительствами Перу, Мексики, Аргентины.

Невероятной популярностью пользовалась выставка археологических находок, которые предприимчивый авантюрист Уильям Баллок незаконно вывез из Мексики и демонстрировал в египетском зале Британского музея. Согласно каталогу, выпущенному в 1824 г., всего за один шиллинг посетители могли увидеть «колоссальных огромных идиолов, великий календарь и жертвенные камни, храмы и пирамиды», «чистую руду золота и серебра», «магуэй — дерево чудес, ... великолепную аллигаторову грушу, или авокадо, ... фламинго», а также настоящего «мексиканского аборигена Хосе Кайетано Понсе де Леон»¹⁴. Похожим языком, который, воздействуя на воображение читателей, представлял им Латинскую Америку как землю изобилия и самых неправдоподобных чудес, были написаны оперы и спектакли вроде «Волшебный зал Оультанпак», «Королевский дворец Перу», «Видение солнца, или сирота из Перу».

В сознании английского общества образ Латинской Америки был одновременно обращением к воображению и призывом к реальному действию, благодаря ему события исторического масштаба входили в хронику повседневных событий и обещали исполнение в ближайшем будущем самых смелых проектов. Эти проекты принадлежали не только экономической, но и военно-политической сфере: многие ветераны наполеоновских войн — от солдат до генералов — отправлялись добровольцами в Латинскую Америку, чтобы принять участие в освободительной борьбе под руководством Симона Боливара.

Пик финансовых спекуляций пришелся на конец 1824 г., когда стало известно о решающих победах Симона Боливара, и Великобритания первой официально признала новые государства — Мексику, Колумбию и Аргентину. Однако уже в следующем году рынок латиноамериканских займов, в который были вложены многие миллионы фунтов стерлингов, обрушился. Это стало не только экономической катастрофой лондонского Сити, но и нанесло удар по самой английской идеологии «неофициальной империи», построенной на идее свободной торговли и мирной колонизации. Одновременно в 1825 г. появляются «Лесное убежище» Фелисии Хеманс и «Сказание о Парагвае» Роберта Саути — два больших литературных про-

изведения лирико-эпического жанра, в которых отражено «разочарование» в Латинской Америке, точнее, в том, как она была воспринята и освоена английским культурным сознанием.

Богатство исторического контекста, изобилие «местного колорита» в поэмах отсутствуют: нет ни подробностей жестокого испанского завоевания, ни картин английской «добродетельной колонизации», ни романтизации культур доколумбовой Америки. Такое отсутствие очень значимо — оно никак не может быть следствием незнания, поскольку оба автора были самыми авторитетными знатоками испанской культуры в Англии того времени. Любая колонизация, любая форма присутствия европейцев в Новом Свете оказывается губительной как для них самих, так и для коренных жителей. Новый Свет предстает как враждебное для жизни пространство, в котором невозможно построить новое общество и обеспечить его выживание.

Фелисия Хеманс приходит к переосмыслению англо-испанских отношений в 1820-е годы — ранее она разделяла энтузиазм своих соотечественников по этому вопросу. В перемене взглядов английской поэтессы большую роль сыграл Хосе Мария Бланко Уайт: оба принадлежали к одному либерально-консервативному кругу, состояли в переписке, знали произведения друг друга. В Англии Бланко Уайт получил известность как знаток испанской истории и литературы, публицист, внесший вклад в эмансипацию латиноамериканских колоний. Большой резонанс имели его художественные и нехудожественные произведения, в которых он оставил психологические свидетельства католика, обратившегося в протестантизм. На Фелисию Хеманс оказали влияние, прежде всего, его «Письма из Испании», опубликованные в «New Monthly Magazine» в 1822 г. В «Письмах», в которых Бланко Уайт варьирует события собственной жизни, переплетаются история повествователя — некоего дона Леукадио Добладо, бежавшего в Англию от абсолютистского режима испанских Бурбонов, — и история молодого испанского священника, которого одолевают мучительные сомнения. Он начинает сомневаться в истинности католических догматов и одновременно видит многочисленные несовершенства церковной организации и примеры ее пагубного влияния на общественное устройство.

Фелисия Хеманс отмечала своеобразие эпического жанра своей поэмы, «задуманной скорее как история сознания, нежели повесть, изобилующая любовными приключениями и невероятными происшествиями». Пользуясь преимуществами такой манеры повествования, поэтесса разрабатывает мотивы, которые у английской публики ассоциировались с фигурой Бланко Уайта: обращение, религиозное преследование, бегство из католической страны в протестантскую. У Хеманс эти мотивы раскрываются в подлинно «трансатлантической» перспективе: основу поэмы составляет история испанского конкистадора, который обращается в протестантизм, переживает преследования инквизиции и в поисках убежища предпринимает путешествие по Европе, Южной и Северной Америке. В соответствии с задачами автора, содержание этой истории, рассказанной от первого лица, составляют не сами приключения главного героя, а его воспоминания и переживания. Для него оказывается проблематичным обрести «лесное убежище» в Новом Свете, так же как и составить связное автобиографическое повествование об этих поисках: присутствие Старого Света ощущается слишком явно и в том, что герой встречает на своем пути во время скитаний по

американскому континенту, и в болезненных воспоминаниях, которые его преследуют. Даже в финале поэмы, когда отшельническая жизнь в лесах Северной Америки дает герою возможность приблизиться к Богу через созерцание природы, образы Старого Света продолжают присутствовать в его сознании, и переживания изгнания, бегства, утраты сохраняют неизменную актуальность.

В ряду общественных, коммерческих, политических инициатив 1820-х годов, когда английское общество переживало увлечение, а потом драматическое разочарование Латинской Америкой, отдельное место занимает книготорговое предприятие Рудольфа Акерманна. Его масштаб можно оценить, если иметь в виду, что до середины XIX в. практически все печатные издания для Латинской Америки печатались в Англии, а период наибольшей активности пришелся как раз на 1820-е годы. Каталог испаноязычных изданий Акерманна насчитывал более 80-и названий, экспорт книг в Мексику, Перу, Чили, Аргентину составлял около 30 тыс. экземпляров в год. Это были учебники, так называемые «катехизисы», которые в ясной вопросно-ответной форме содержали сведения по всем областям знаний, дешевые издания знаменитых испанских и европейских авторов, а также альманахи «Museo universal de ciencias y de artes», «No me olvides», «Variedades o el mensajero de Londres». В них публиковались разнообразные научно-популярные и художественные, развлекательные и информативные материалы — все они принадлежали Хосе Марии Бланко Уайту и другому испанскому эмигранту Хосе Хоакину де Мора. По существу издания Акерманна представляли собой краткий и доступный «конспект» европейской культуры и оказались очень востребованы среди латиноамериканских читателей, которые остро осознавали свое периферийное положение по отношению к Европе и стремились как можно скорее преодолеть это отставание.

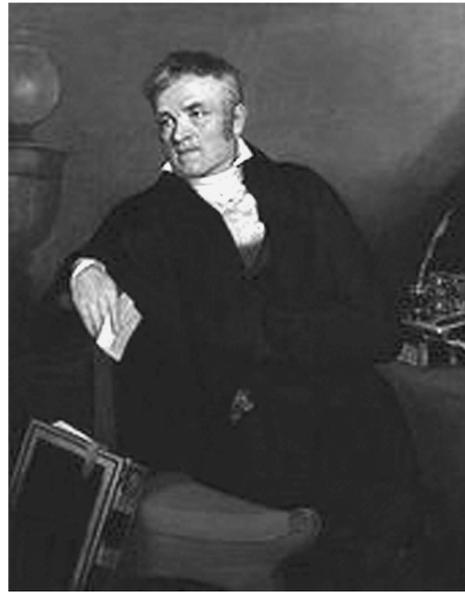
«Эти переводы [и, шире все издания Акерманна] получили у нас невероятное распространение, и мексиканское общество с воодушевлением взялось за них, чтобы с их помощью приобщиться к новому миру знаний и утолить жажду узнать вещи более необходимые и приятные, чем те, которые наше старшее поколение преподавало в своих классах, куда далеко не всем была открыта дорога»¹⁵.

Книготорговое предприятие Акерманна было уникально не только с точки зрения масштабов «экономического механизма» по производству и распространению печатной продукции, но и с точки зрения сил, которые приводили этот «механизм» в действие. С одной стороны, предприятие вписывалось в контекст английской идеологии «неофициальной империи». Экономическое присутствие англичан в Новом Свете должно было стать благом для жителей Латинской Америки, просвещая их и приобщая к ценностям европейской культуры. Такую перспективу англо-испанских отношений в 1810—1820-е годы разделяли и многие представители латиноамериканских элит.

«Равновесие Вселенной и интересы Великобритании оказываются в совершенном согласии со спасением Америки! Какую блестящую перспективу предлагает моя родина своим защитникам и друзьям! Науки, искусства, промышленность, культура — все, что ныне составляет славу и вызывает восхищение жителей европейского континента, перенесется в Америку.

Англия, почти в исключительном порядке, увидит, как к ней потекут богатства полушария, которое должно считать ее своей благодетельницей» (письмо С.Боливара английскому министру иностранных дел)¹⁶.

С другой стороны, приоритеты Акерманна, в отличие от других лондонских издателей, работавших с латиноамериканской аудиторией, лежали в коммерческой, а не в политической сфере. Окончательные решения относительно издательской политики принимал он сам — издатель-предприниматель, — ориентируясь на запросы и возможности рынка и ставя основной целью получение прибыли. Книготорговля была не единственным делом, которое он вел в Латинской Америке: он продавал предметы роскоши, а также делал вложения в серебряные рудники

Рудольф Акерманн. Портрет работы Франсуа Муше, 1810—1814

и другие совместные англо-испанские предприятия. Целевая аудитория Акерманна принадлежала к среднему классу — классу, который, будучи опорой буржуазного общества, стоял за промышленной революцией и стал основным потребителем продукции «печатного бума» конца XVIII — начала XIX вв. Формирование такого общественного класса было актуальной задачей для новых государств Латинской Америки, и в этом отношении экономические интересы издателя и политические интересы латиноамериканских общественных деятелей совпадали.

Учитывать эти интересы должен был редактор и фактически единственный автор журнальных статей — на эту должность издатель пригласил Хосе Марию Бланко Уайта. Хотя за 12 лет до этого Бланко Уайт эмигрирует в Англию, которая была для него воплощением рационального начала, терпимости, уважения к индивидуальности, он не остается равнодушным к событиям на покинутой родине и пытается найти для себя приемлемые формы участия. Антинаполеоновская кампания (1808—1814), борьба испанских либералов против абсолютизма и пересмотр отношений между метрополией и колониями вдохновляют его на публикации в журнале «El Español» (1810—1814), а повторное провозглашение испанской конституции в 1820 г. даже заставляет его задуматься о возвращении на родину, чтобы передать испанцам английский опыт просвещенного общественного устройства.

Такой возможности его лишает крах испанских конституционалистов в 1823 г., однако в это же время поступает предложение Акерманна, которое неожиданно открывает альтернативную возможность для реализации идей Бланко Уайта. Он вдохновляется идеей совершить в «новой Испании» то, что не удалось в «старой»: воспитать просвещенный средний класс, отличающийся хорошим образованием и тонким вкусом, — такой класс, который в будущем станет формировать общественное мнение.

Иллюстрация из популярного издания Рудольфа Акерманна «Variedades»

Большое значение имели те условия, в которых в Латинской Америке находилась печатное дело. С одной стороны, печатная традиция, исторически ограниченная государственной монополией и церковной цензурой, в эпоху борьбы за независимость получила сильный импульс, печатный станок воспринимался как «машина счастья» и средство для «возрождения народа». С другой стороны, новые государства Латинской Америки не могли обеспечить возникший спрос на печатную продукцию в условиях постоянных военных действий и тяжелого экономического положения. Поэтому, когда латиноамериканские читатели получали в руки журнал, который отличался высоким полиграфическим качеством, обилием иллюстраций, красочными разделами о моде и путешествиях, — т.е. фактически вариант престижного лондонского журнала «Gentlemen's Magazine» на испанском языке — сама «заграничность» издания, уровень его исполнения придавали ему необыкновенную ценность и авторитет. В то же время на страницах этого же журнала читатели находили «острые» статьи на политические («В чем заключается суверенитет народов?» N 4, 1823) и религиозные («Важные советы испано-американцам относительно нетерпимости» N 7, 1824), а также историко-литературные обзоры, достаточно обстоятельные, но написанные доступным языком.

Хотя, на первый взгляд, и Бланко Уайт, и Акерманн рассчитывали на одну и ту же аудиторию, между ними возник глубокий конфликт. Для Бланко Уайта проект просвещения и воспитания латиноамериканских граждан неизбежно затрагивал вопросы веротерпимости, опасности предрассудков, ограничения вмешательства церкви в общественную жизнь. Поэтому в первых номерах «Variedades» Бланко Уайт публикует такие историко-публицистические очерки

как, например, «Очерк преследования свободного разума в Испании» (N 2, 1823), а в последнем номере, прощаясь с читателями, подробно рассказывает историю своей жизни со всеми несчастьями, которыми в Испании чревато несогласие с господствующей религией (N 9, 1825).

Со своей стороны, издатель был категорически против вынесения религиозных вопросов на страницы журнала, поскольку опасался, что это вызовет возмущение консервативно настроенных читателей, которые составляли подавляющее большинство. Он требовал от испанского писателя, чтобы тот не нарушал границы «легкого» жанра английских журналов, которые стали образцом для латиноамериканских публикаций.

Во многом именно разногласия с издателем в конечном итоге привели к закрытию журнала. Тем не менее он представлял собой уникальный для своего времени проект культурного посредничества. Идея Бланко Уайта принести пользу латиноамериканским читателям, расширить горизонт их привычных представлений, заставить задуматься над собственными предрассудками и мыслительными стереотипами, подкрепленная его давней мечтой передать представителям испаноязычного мира английский опыт, стала основой целостной концепции издания.

Свою посредническую роль в буквальном смысле от первого лица Бланко Уайт исполняет в серии «Писем из Англии» (N 1—6, 8). «Письма из Англии» в том виде, в каком они появились в «*Variedades*», были обращены к Альберто Листа — близкому другу Бланко Уайта. В них фигурировали обстоятельства реальной биографии автора: испанское происхождение, вынужденный отъезд и выбор Англии в качестве места жительства, многолетнее пребывание в этой стране и тесное знакомство с ее культурой. Форма «писем другу от лица изгнанника» уже была опробована Бланко Уайтом в «зеркальной» ситуации: если сейчас он использовал эту форму, чтобы рассказать испаноязычным читателям об Англии, то за год до того в журнале «*New Monthly Magazine*» он напечатал «Письма из Испании», обращенные к англичанам.

Эпистолярная форма одновременно отражала конкретный биографический опыт и становилась предметом сознательного «разыгрывания», задавая определенную точку зрения и организуя повествование. Автор постоянно напоминал, что сам «разговор» мог состояться только благодаря его положению изгнанника — оно дает возможность говорить правду, не опасаясь преследований; достоверность созданного образа подтверждалась личным опытом, на который он постоянно ссылался, а чтобы завоевать доверие читателя, он искренне признавался в своих собственных поспешных суждениях и старых заблуждениях.

Таким образом, Бланко Уайт предлагал вниманию латиноамериканских читателей ряд поучительных картин, которые давали представление о том, что такое английские ценности: индивидуальная свобода, основанная на четком разделении публичной и частной сфер; веротерпимость; частная инициатива и рациональное распределение времени, которые становятся залогом преуспевания. Испания постоянно возникала на страницах «Писем» как объект сопоставления с Англией, и сравнение общественного устройства неизменно оказывалось не в ее пользу.

Сопоставление английской и испанской культуры, на котором был основан замысел «Писем из Англии», стало принципом отбора и подачи материала во всем журнале «*Variedades*», хотя автор не заявлял об этом на-

Интерьер типографии-магазина Рудольфа Акерманна

этого из средневековой европейской литературы Бланко Уайт останавливается на лирике провансальских трубадуров, а в истории испанской литературы уделяет внимание средневековым романсам, «Селестине» Фернандо Рохаса, «Строфам на смерть отца» Хорхе Манрике. Утверждая в национальном литературном каноне место средневековых авторов, Бланко Уайт наследует испанским эрудитам эпохи Просвещения: в подражании «чужим» итальянским и французским моделям они видели причину упадка испанской литературы, а задачу ее обновления и «возрождения» связывали с обращением к истокам национальной словесности. В то же время Бланко Уайт, который был близким другом Роберта Саути, состоял в переписке с С.Т.Колриджем и Фелисией Хеманс, воспринял многие идеи, получившие широкое распространение в Англии в эпоху романтизма.

Значительное место в издательской деятельности Акерманна на латиноамериканском континенте занимали т.н. «катехизисы», за которые отвечал Хосе Хоакин де Мора. Они представляли собой учебные пособия по всем областям естественных и социальных наук, написанные в форме вопросов и ответов, что и объясняет происхождение названия. Такая форма позволяла применять «катехизис» в различных целях: он мог играть роль школьного учебника и самоучителя, подходил и для коллективного, и для индивидуального чтения, его можно было заучивать или использовать как справочник.

Доминго Фаустино Сармьенто, историк, писатель, общественный деятель, занимавший пост президента Аргентины, автор знаменитого художественно-философского эссе «Факундо», оставил свидетельство о том, какую роль учебные пособия Акерманна сыграли в его жизни: «народы, история, география, религия, мораль, политика ... Но должны же быть книги, говорил я себе, в которых написано именно об этих вещах ... и я тотчас же бросился на поиски таких книг ... и нашел то, что искал, так, как и представлял себе, собранное усилиями патриотов, которые желали блага Америке и которые, будучи в Лондоне, знали о том, что Южная Америка нуждается в образовании, — ответом на мои вопросы стали катехизисы Акерманна»¹⁷.

Однако важно отметить, что европоцентристская ориентация в «катехизисах» продолжала играть значительную роль: например, история Нового Света, в которой отводилось очень мало места культурам доколумбовой эпохи, фактически начиналась с испанского завоевания. Описание природы

прямую, поощряя читателя к самостоятельному размышлению и дальнейшему сравнению. На страницах «Variedades» публикуется статья о творчестве Лопе де Веги и переводы отрывков из «Айвенго» Вальтера Скотта и отдельные истории из «Графа Луканора» Хуана Мануэля и отрывки из средневековых испанских хроник. Помимо

южноамериканского континента соответствовало традиции, установившейся в Европе начиная с фундаментального труда Александра фон Гумбольдта «Путешествие в равноденственные области Нового Света» (1807—1834): на первый план выходило ее богатство, изобилие, необычность. В то же время все, что касается достижений в области экономики, науки, общественной организации, принадлежало европейской цивилизации, к которой странам Латинской Америки еще предстояло приобщиться. На вопрос: «Чем знаменита Европа?», ученик должен был отвечать: «Мудростью, культурой, умом и деятельным характером ее жителей»¹⁸.

В «катехизисах» явно отдается предпочтение определенным европейским странам. Испанское наследие во многом ассоциировалось с политической отсталостью и интеллектуальной монополией католической церкви, и, хотя Испания являлась несомненной «точкой отсчета» для государств Латинской Америки, образцом для них оказывалась Великобритания. Вопрос: «Чему обязана Великобритания своим процветанием?», содержал следующий ответ: «Трудолюбивому характеру своих жителей, мудрости своих учреждений, свободе, которой наслаждаются все граждане, религиозной терпимости, значительным поощрениям, которые получает всякое полезное и выгодное дело...»¹⁹.

В целом можно сказать, что в 1820-е годы предприятие Акерманна стало «центром притяжения» для многих из тех, кто был заинтересован в судьбе бывших испанских колоний: Хосе Марии Бланко Уайта и Хосе Хоакина де Мора, Висенте Рокафуэрте и Бернардино Ривадавиа, Андреса Бельо и Симона Боливара. Их объединял энтузиазм первых лет независимости, надежда на то, что представители интеллектуальной элиты, имея в распоряжении такие современные средства коммуникации, как массовые периодические издания высокого качества, смогут оказать определяющее влияние на просвещение и воспитание граждан новых латиноамериканских государств. В период, когда интересы английского издателя, испанских публицистов, латиноамериканских политиков и общественных деятелей пересекались, предприятие Акерманна пережило расцвет книготорговой деятельности. Однако в случае конфликта интересов, как это произошло между Акерманном и Бланко Уайтом, проекты закрывались, а уже в начале 1830-х годов все предприятие в целом стало терпеть убытки и скоро пришло в упадок. В 1838 г. испанский писатель Хасинто Салас-и-Кирога, который принадлежал к младшему поколению эмиграции и побывал в Англии и в Латинской Америке, оставил такое свидетельство: «Они [участники книгоиздательского предприятия] полагали, что в атмосфере свободы в новых республиках будут восприняты с энтузиазмом все знаменитые философские труды прошлого века; они представляли себе, что дух Энциклопедии будет царить в Америке, отрекшейся от прежних убеждений ... Уважаемый торговый дом Акерманна в Лондоне, пославший одного из своих представителей в Мексику с большой партией книг, до сих пор оплакивает огромные убытки»²⁰.

Означает ли это, что на самом деле проект культурного посредничества, который стал возможен благодаря издательскому дому Акерманна, оказался не востребован аудиторией, и все усилия были потрачены впустую? С одной стороны, очевидно, что многие ожидания, воодушевлявшие участников предприятия, не могли оправдаться в ту эпоху, когда уровень гра-

мότητας оставался очень низким, и доступ к книгам имело меньшинство населения. Первые годы после получения независимости были очень неспокойными, и установить систему распространения печатных изданий, которая бы бесперебойно действовала на расстоянии тысяч километров, было невозможно. Большую проблему для издателя также представляло отсутствие законодательства об авторском праве.

Однако существует ряд обстоятельств, которые свидетельствуют в пользу предприятия Акерманна и позволяют заключить, что свою роль в культурном «обмене» между Старым и Новым Светом оно все же сыграло. На основании кропотливой работы с библиотечными каталогами и архивами книготорговых фирм было доказано, что печатная продукция английского издателя нашла своего читателя в Латинской Америке²¹. На протяжении XIX в. его книги — пусть и без его разрешения — выдержали множество переизданий. Их можно было найти в каталогах книжных магазинов, публичных и школьных библиотек, а также в частных собраниях. В частности, известно, что они составляли десятую часть личной библиотеки Хосе Викторино Ластарриа, чилийского общественного деятеля и писателя, который внес значительный вклад в историю чилийской литературы XIX в. Журналы, изданные Акерманном, могли иметь ограниченный круг читателей, но перепечатывание статей из них было обычной практикой. Воспроизведение статей в местных газетах сопровождалось апелляцией к тому авторитету, которым пользовались иностранные издания.

Итак, на рубеже XVIII—XIX вв. происходит сближение Великобритании и испаноязычного мира. К этому времени в английской культуре уже сложилось определенное представление о Латинской Америке: ее природа давно привлекала невероятными богатствами, в то время как цивилизация, заложенная испанской католической империей, вызывала резкое неприятие с точки зрения английских представлений о рациональном и справедливом устройстве. Таким образом, приход англичан имел и моральные, и экономические обоснования и должен был стать благом и для них самих, и для всего континента. По-своему преломляясь в политической и экономической сфере, в художественной и нехудожественной литературе, в научных описаниях и в массовой культуре, образ Латинской Америки актуализируется на новом историческом этапе — с началом освободительных движений в Новом Свете, которые принесли драматические перемены обеим колониальным империям — и Великобритании, и Испании.

Взаимная заинтересованность стран Латинской Америки и Великобритании дала импульс «встречному движению» ведущих представителей латиноамериканской интеллектуальной элиты, для которых Великобритания была не только важным союзником в борьбе за независимость от испанского господства, но и образцом общественного и политического устройства. Испанские либералы, которые в 1820-е годы находились в эмиграции в Лондоне, оказываются на пересечении этих разнообразных интересов и принимают активное участие в культурном посредничестве между Старым и Новым Светом.

Этот процесс культурного обмена между Великобританией и испаноязычным миром был не лишен противоречий. Он не был свободен от влияния политической конъюнктуры, в рамках которой наибольшую перспек-

тиву имели такие контакты с латиноамериканскими и испанскими общественными деятелями, которые соответствовали интересам Великобритании. При этом континент, образ которого вызвал к воображению европейца, изобиловал «чудесным» и «необыкновенным», обещал реализацию желаний, вдруг открылся англичанам как пространство негостеприимное и враждебное. С другой стороны, воодушевление представителей латиноамериканской элиты уступило место разочарованию, когда стало ясно, что европейское культурное наследие не может быть воспринято и освоено так, как они это видели в первые годы независимости. Благодаря этой динамике своеобразного «очарования-разочарования», представления, уже сформировавшиеся и устоявшиеся в культурном сознании, «проверялись» действительностью и усложнялись.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ V.Lloréns. *Liberales y románticos. Una emigración española en Inglaterra (1823—1834)*. Valencia, Castalia, 1979, p. 286—288.

² E.Roldán-Vera. *The British Book Trade and the South American Independence: Education and Knowledge Transmission in Transcontinental Perspective*. Ashgate, Aldershot, 2003, p. 22—24

³ A.Shell. *Catholicism, Controversy and the English Literary Imagination, 1558—1660*. Cambridge, 1999.

⁴ См., например: J.Alcázar. *La empresa de Inglaterra: la «Armada invencible». Fabulación y realidad*. Real Academia de la Historia, 2004; D.Kerr. *Through the «Golden Mist»: a Brief Overview of Armada Historiography*. — *American Neptune*, 1989 49(1), p. 5—13.

⁵ M.Brown. *Informal Empire in Latin America: Culture, Commerce and Capital*. Malden MA, 2008.

⁶ E.Said. *Culture and Imperialism*. Vintage Books, 1994. p. xii-xiii.

⁷ См., например: J.Dryden. *Astrae Redux: A Poem on the Happy Restoration and Return of His Sacred Majesty Charles II, 1660*; M.Akenside. *A British Philippic: Occasioned by the Insults of the Spaniards, 1738; Voice of Liberty, A Poem, in Miltonic Verse, Occasioned by the «Insults of the Spaniards»* (автор неизвестен, 1738); R.Glover. *Admiral Hosier's Ghost, 1740*.

⁸ E.Waller. *The poems of Edmund Waller*. Chiswick, Press of C. Whittingham, 1822.

⁹ J.M.Aleida. *British Romanticism and Latin America, 1: Shock and Awe in the New World*. — *Literature Compass*. Vol. 7, Issue 8, August 2010, p. 713—730; *idem*. *British Romanticism and Latin America, 2: Atlantic Revolution and British Intervention*. — *Ibid.*, p. 731—752; R.Cole Heinowitz. *Spanish America and British Romanticism, 1777—1826: Rewriting Conquest*. Edinburgh, 2010; J.L.Sánchez. *Spain, Politics and the British Romantic Imagination*. Doctoral Thesis, Notre Dame, Indiana, 2007.

¹⁰ J.L.Sánchez. *Op.cit.*, p. 8—26.

¹¹ R.Cole Heinowitz. *Op. Cit.*, p. 56—58.

¹² *Romanticism and the Anglo-Hispanic Imaginary*. Amsterdam — New York, 2010, p. 183.

¹³ *Ibid.* p. 187.

¹⁴ W.Bullcock. *A Description of the Unique Exhibition called Ancient Mexico: Collected on the Spot in 1823 by the Assistance of the Mexican Government, and Now Open for Public Inspection at the Egyptian Hall, Piccadilly*. London, 1824, p. iii-iv.

¹⁵ *El Observador de la República Mejicana*, 13 de junio 1827.

¹⁶ J.M.Aleida. *British Romanticism and Latin America, 2...*, p. 14.

¹⁷ F.D.Sarmiento. *Recuerdos de provincia*. Buenos Aires, Losada, 1995.

¹⁸ *Catecismo de geografía*. Londres, 1824. p. 4.

¹⁹ *Ibid.*, p. 26.

²⁰ V.Lloréns. *Op. cit.*, p. 156.

²¹ *The British Book Trade...*, p. 233—238.